

18+

Диана
Фрад

РАЗВЕДЕНА

Брак
не предлагать

45+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Диана Фад

Разведена и брак не предлагать!

<https://litres.ru/74051266>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Кики всё складывается отлично. Она больше не связана с неверным мужем, она свободна и наслаждается жизнью. Но в её мир неожиданно входит мужчина — богатый, властный и требовательный. Он разочаровался в женщинах и не доверяет им.

Между ними возникает взаимное притяжение, но оба сопротивляются этому чувству. К тому же, бывшие партнёры не дают им покоя, напоминая о прошлом.

Как противостоять обаянию мужчины, который знает, чего хочет от жизни, и, возможно, нашёл женщину, с которой будет счастлив? Главное, чтобы и он сам это осознал.

От автора: Книга из серии "Любимов и К" про врача-психотерапевта Кристину Ильиничну Кирсанову. Читается отдельно от цикла, но все герои прошлых книг здесь присутствуют.

Все книги серии Любимов и К. Можно читать отдельно, а можно по порядку.

1. Измена. У него другая семья

2. Измена. Ты моя тайна...
3. Замуж за бомжа или фиктивный брак
4. Развод. Я ей нужен
5. Разведена и "брак" не предлагать
6. Дети моего мужа
7. Больше (не) люблю
8. Опекун для хулиганки

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	67
Глава 13	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Диана Фад Разведена и брак не предлагать!

Глава 1

За последним пациентом закрывается дверь, и я встаю из-за стола. Потягиваюсь, разминая затекшие мышцы. Этот клиент ну очень нудный, причем богатый, как крез. Напридумывал себе депрессию на фоне, что его никто не любит, а только из-за денег пресмыкаются перед ним и лизжут задницу.

— Мне кажется, что меня никто не любит, — жалуется мне, как своему психотерапевту, Владимир. — Всем нужны только мои деньги, статус, всё, что я даю своей семье, любовнице. Это всё БЕЗВОЗМЕЗДНО!

— И вам кажется, что вас за это не ценят? — подсказываю я, украдкой глядя на настенные часы.

До конца сеанса было пять минут, но клиент, не видя перед собой часов, раскрывается лучше, чем когда поглядывают на стрелки. Причем я заставляю всех снимать наручные часы и отключать при входе в кабинет свой мобильный телефон. Для этого у меня в кабинете на комодке стоит очарова-

тельный слоник из кокоса, что я привезла из Таиланда. Клиенты с удовольствием избавляются от дорогих аксессуаров на час, пытаясь забыть о своих проблемах.

В итоге это уже седьмой сеанс, депрессию мы сняли, но клиент не желает прерывать лечение. Я думаю, что ему просто нравится ходить сюда ко мне и изливать свои проблемы. Что же, я не против. Мои сеансы довольно дорогие, а я привыкла как бы себе мало в чем отказывать.

Снимаю халат и тянусь к телефону, что вибрирует на столе.

— Кристина Ильинична, еще не ушли? — спрашивает Изольда Михайловна, врач-гинеколог.

— Нет, — с улыбкой отвечаю я.

С Изольдой мы довольно близки, часто устраиваем посиделки, просто поболтать, ходим куда-нибудь выгулять платье или просто посидеть в нашем любимом итальянском ресторане. Если она мне звонит в конце рабочего дня и обращается по имени-отчеству, значит, рядом клиент.

— Зайдите, пожалуйста, ко мне, если не трудно, — просит Изольда. — У меня тут сложный случай.

— Хорошо, сейчас буду, — снова натягиваю халат с бейджиком и выхожу из кабинета, отпуская домой медсестру.

— Да, завтра, Гуля, — прощаюсь с молодой и перспективной девочкой, которая совсем недавно устроилась к нам по рекомендации жены заведующим Марины Ивановны Агафоновой.

Гуля старательная, тоже учится на психотерапевта, поэтому мне нравится с ней работать.

Поднимаюсь на второй этаж в гинекологию и стучусь в кабинет Изольды Михайловны.

— Можно? Здравствуйте, — захожу, осматриваю обстановку.

Изольда женщина суровая, что не скажешь по внешнему виду. Недавно пережила сложный развод, но все закончилось замечательно. Сейчас будто расцвела второй молодостью, что бывает у женщины в пятьдесят, когда она встречает правильного мужчину.

— Кристина Ильинична, позвольте вам представить: Юлия Германовна Грачева.

Приветствую молодую женщину лет тридцати. Красивая, ухоженная, одета сплошь в бренды и увешана бриллиантами. Губы недовольно поджаты, руки нервно теребят ручку сумочки Louis Vuitton. У меня у самой такая же, только из зеленой замши. На Юле бежевое платье, тонкие колготки и замшевые черные туфли. Отличный наряд для похода в клинику.

— У нас небольшая проблема, Кристина Ильинична, и я посоветовала Юлии Германовне пообщаться с вами.

— Что такое случилось? — улыбаясь спрашиваю я женщину.

— Я хочу сделать аборт, — заявляет та. — Мне не нужен этот ребенок. И тем более психотерапевт.

— И в чем проблема?

— У Юлии Германовны слишком большой срок, — под-
сказывает

Изольда, и я невольно бросаю взгляд на живот, но из-за сумки не видно. — В этом случае искусственное прерывание беременности невозможно, а показаний к принудительному аборту нет.

— Какой срок?

— Двадцать три недели.

— И вы только сейчас решили, что не хотите ребенка? — спрашиваю я Юлю.

— Да, я решила, что не хочу рожать, — поджимает сердито губы женщина. — Мой муж... Он хочет этого ребенка, а я нет. В мои планы не входило портить свою фигуру, и вообще нянчиться — это не мое.

— У вас было много времени решить этот вопрос, — невольно вырывается из меня, хотя мысленно бью себя по губам. — В любом случае на таком сроке никто не будет делать аборт.

— Вы не понимаете меня, да? Я же сказала, что не хочу! Я вижу, как меняется мое тело, какая я становлюсь уродливой! — взвизгивает клиентка.

— Тяжелый случай, — непрофессионально вырывается из меня, а Изольда качает укоризненно головой.

— Может, для вас и ничего страшного, а я чувствую себя

недоженщиной!

— Кем? — зачем-то переспрашиваю я, хотя слышала и с первого раза.

— Женщиной, которую не хотят мужчины! — поясняет Юля.

— Извините, можно вопрос? — уточняю я.

— Какой? — хмурится Юля.

— Ваш муж в курсе, что вы хотите сделать аборт на таком позднем сроке?

— Конечно, он сам меня сюда отправил! Ему не нравится, как меняется мое красивое тело, даже ценой нерожденного ребенка! — взвизгивает нервно клиентка.

— Жесть, — вырывается из Изольды, а я едва скрываю улыбку.

— Давайте вы придете ко мне на прием завтра, и мы с вами поговорим, — предлагаю я.

— Ну уж нет, завтра вы меня отправите еще куда-нибудь. Делайте аборт, я сказала! — протестует клиентка. — Вот, если вам нужен дополнительный стимул. Здесь хватит, чтобы вы закрыли глаза на моральную сторону вопроса.

И она протягивает нам с Изольдой довольно плотный конверт.

Мы переглядываемся, понимая друг друга с полуслова, а Юля победно улыбается, облегченно выдыхая.

Глава 2

— Итак, мои дорогие крохоборные коллеги, чем дело закончилось, по-вашему мнению? — директор клиники, он же блестящий хирург Любимов Сергей Геннадьевич, сидит в своем кресле, сложив руки на груди. Обводит нас с Изольдой внимательным взглядом.

— А вы как думаете, Сергей Геннадьевич? — возмущается Изольда Михайловна. — На таком сроке я не собираюсь делать аборт, пусть даже и за взятку!

— Много там денег-то хоть было? — усмехается Любимов. — Мне вообще про конверт не доложили. Ваша клиентка ворвалась ко мне в кабинет, угрожала связями своего мужа. Видимо, хотела, чтобы я сам лично у себя в кабинете избавил ее от ненавистного ребенка.

— И как вы поступили? — интересуюсь я.

— А как я должен был поступить? Посоветовал ей прийти сюда вместе с мужем, а потом к вам, дорогая Кристина Ильинична, — отвечает Любимов, а мы с Изольдой переглядываемся.

— Но вы же понимаете, что я не смогу согласиться на незаконное вмешательство! На таком сроке... Да и причем тут срок! Это запрещено законом в конце концов! — возмущается Изольда Михайловна.

— Ну что вы, супротив закона я не пойду, я же аки ангел,

чтобы допустить такое, — смеется Любимов, а я невольно фыркаю. — Не так, что ли?

Сергей Геннадьевич хитро прищуривается и ждет моего ответа.

— Да я не про это, — отмахиваюсь я. — Просто вы дали пациентке ложную надежду. Неважно, придет она с мужем или нет, мы ничего делать не будем.

— Это да, а вот сеансы ваши я бы им порекомендовал, обязательно обоим. А то играют тут в игры, хочу или не хочу...

Дверь в кабинет открывается без стука, и влетает жена Любимова, Маргарита Юрьевна.

— Сереж! Там кота опять плавать учат! — выдает взволнованно она и только тут замечает нас. — Ой, извините, во-рвалась как к себе домой.

Маргарита улыбается, расцветая, и мы с Изольдой невольно тоже расплываемся в улыбках.

— У нас еще один кот появился, особой породы, — потягивается в кресле довольный Любимов. — Сам пришел, и близнецы выбрали его в качестве своей жертвы. Таскают везде с собой, даже в садик пару раз уносили. Теперь вот новый бзик, плавать научить.

— Бывает, — лыбимся мы с Изольдой как дурочки.

— Ну что же, дамы, вопрос мне понятен. Жалоба клиентки услышана, мой ответ остается прежним. Никаких противозаконных и морально недопустимых действий мы делать

не будем. Ни мы, ни наша клиника, а с мужем клиентки я еще сам пообщаюсь. Если я не ошибаюсь насчет персоны Грачева и тому, что о нем знаю, то тут никаких сложностей быть не должно. Он мужик твердый, непрошибаемый, однако голова у него работает за семерых. Что-то сомневаюсь я, что он послал свою жену на аборт.

— Вот и мне показалось, что слишком нервничает клиентка, когда я спросила согласие мужа, явно врет, — добавляет Изольда, и мы выходим из кабинета, направляясь на свои рабочие места.

— Надо же, с утра прибежала, не поленилась жалобу навалять, — говорю Изольде, пока мы идем по коридору, где как раз полно пациентов, медсестер, у ресепшен, как обычно, толпа.

Так всегда в будни ближе к обеду. Люди отпрашиваются с работы, чтобы пройти осмотр или прием у нужного специалиста. В итоге обед и вечер — самое загруженное для нас время. А с открытием стоматологии стало еще хуже. Точнее, для нас и клиники лучше, конечно, но работы прибавилось.

— А что ей делать? Детей нет, тем более ты же видела, как ее зацепило, что мы не приняли конверт, — пожимает плечами Изольда. — Подожди, почему-то мне кажется, что это дело так просто не закончится. Ты же слышала, что Любимый сказал про мужа этой Грачевой, попадет нам с тобой по самые орехи. Извини, что невольно втянула тебя в это дело, но ей явно нужна помощь мозгоправа.

— Брось извиняться, тут явно что-то не так, разберемся,
— отмахиваюсь я и иду к лестнице, поднимаюсь в терапию,
в свой кабинет.

— Мам, папа сказал, чтобы я тебе сказала, что он с тобой больше не разговаривает, — тараторит в трубку моя младшенькая, Анечка.

Звонок дочери застаёт меня буквально перед началом работы. Я готовлю кабинет к приёму первой пациентки, закрываю шторы на панорамных окнах, включаю настольную лампу, кладу на специальное удобное кресло новый плед. Некоторым пациентам так проще расслабиться, когда в кабинете домашняя обстановка. На маленьком столике уже вазочка с милыми печеньками, конфетками, заварен свежий чай, заряжена кофемашина. В кабинете приятно пахнет расслабляющими благовониями, лавандой, иланг-илангом и мандарином. Запах едва заметный, но со своими функциями справляется.

— И с чего бы это твоему отцу со мной не разговаривать? Мы развелись пять лет назад, у него молодая жена, сынишка растёт, а он все из детских ползунков не вышел. — недоумеваю я, слушая дочь.

— Вот и разбирайтесь сами, а мне на пару пора. Главное, я передала тебе папину просьбу, — фыркает Анютка и отключается.

Вздыхаю, но даже звонить своему бывшему не собираюсь. Знаю я его методы воздействия, чтобы привлечь к себе вни-

мание. Все-таки почти двадцать лет вместе прожили, а манипулировать мной через дочь — пустая затея. Все его методы давно на мне испробованы, теперь бывший муж издевается над молодой женой, что любит его безумно. А я невольно стала соучастницей их разборок, точнее, подлила масла в огонь.

Глава 3

— Теперь принимаем позу и слушаем шуршание бабочек... — Голос инструктора доносится до меня как через туман, и я послушно заправляю одну ногу за ухо, а вторую... Так, где у меня еще одна нога?

Звонок через наушник заставляет меня вздрогнуть и включиться в реальность.

— Кики, как варить борщ? — Голос бывшего экс-мужа вызывает у меня одно желание поморщиться, но не оттого, что я не хочу его слышать, а потому что занята, вашу мать. Хотя и слышать его тоже не особо хочу. Он же сообщил нашей общей дочери, что не разговаривает со мной?! Как всегда, нажаловался, всех на уши поднял, а звонит все же мне сам.

— У меня йога, потом перезвоню, часика так... через неделю! — Хрипящим шепотом докладываю ему, получая косой взгляд инструктора.

— А я жрать хочу! — Тут же орет бывший. — Это всё ты виновата, что из-за твоих сеансов моя жена уехала на Мальдивы, забрала нашего ребенка и недоступна.

— Ах, я еще и виновата? — Возмущаюсь я. — Ты довел свою Лику до нервного срыва. Хорошо, что мы развелись и я от тебя сбежала. А то в психушке бы уже загорала, а не на Мальдивах.

— Это кто еще от кого сбежал! — Тут же переводит стрелки бывший. — Я всегда был у тебя на втором плане, на первом эти дурацкие твои увлечения. То йога, то пилатес, я уже не говорю о Камасутре!

— Ну последнее, предположим, тебе нравилось, — Усмехаюсь я.

— Так что с борщом-то? — делая короткую паузу, хмыкает бывший.

— Закажи доставку.

— Не могу, там не вкусно.

— Михайловский, мы развелись пять лет назад, а ты до сих пор не удалил мой номер? — Начинаю заводиться я.

— У нас общие дети, ты забыла? — Тут же снова заводится бывший.

— Забудешь тут, — Взгляд инструктора уже не отпускает меня, и я понимаю, что сейчас меня выгонят с занятий. — Всё, перезвоню, как освобожусь.

Отключаю наушник и вытаскиваю из ушей, кладу под коврик. Бывший сейчас будет названивать как помешанный. И точно, когда выхожу из здания фитнеса, на телефоне уже двадцать три пропущенных от бывшего и несколько гневных голосовых. Усмехаюсь, завожу машину и выезжаю с парковки. Набираю новую жену Михайловского, что на пятнадцать лет моложе его.

— О, Кики, привет! — тут же отзывается Лика.

Едва не релаксирую, слыша шум прибоя на заднем фоне.

— Мне тут Миша названивает, но я, как ты и посоветовала, не беру трубку.

— Правильно, пусть немного поскучает, — поворачиваю на светофоре, выезжая на МКАД. — У него проблема, он борщ хочет.

— Какой борщ, Кики? — пугается Лика. — У него морозилка забита мантами, пельменями и котлетами. Я как проклятая лепила их до посинения, чуть на самолет не опоздала.

— А он борщ захотел, — смеюсь я в ответ.

— Да там закруток полно, бульон сварил и вывалил баночку. Вкусно и быстро, — беспокоится нынешняя жена моего бывшего. — Я сейчас ему позвоню и скажу всё.

— Даже не вздумай, это я тебе как психотерапевт говорю. Ты и так уже на грани нервного срыва со своей заботой, пусть немного побесится. Или мы зря тебя лечим? Забыла, как рыдала у меня в кабинете, что не можешь больше жить с таким рабовладельцем?

— Не забыла, но он же такой неприспособленный у меня, — хнычет Лика. — У него желудок больной.

— С каких это пор у него больной желудок? — возмущаюсь я.

— Говорит, на нервной почве язва вылезла после жизни с тобой, — тут же радостно сообщает Лика, а я чертыхаюсь. Вот же скотина какая, язва у него!

— Ничего у него нет, не выдумывай. Миша любит на жалость давить.

— Ага, я поняла. Ты такая умная, Кики, а я вот дурочка, дурочка, — жалуется мне Лика.

— Ты просто другая, — сочувственно произношу я. Жить с моим бывшим мужем только святая может. — Ну всё, отдыхай, у тебя еще неделя. За это время не помрет твой благоверный.

— Точно?

Уверяю Лику, что ничего с ее мужем не случится, и отключаю телефон, заезжаю на подземную стоянку, паркуюсь. Цокая каблучками, иду к лифтам, киваю новому охраннику, который работает тут уже неделю. Парень явно мной заинтересован, вон как провожает приторным взглядом. Но это не в моем статусе, я не такая. После развода с мужем я стала слишком придирчиво относиться к мужчинам. Абы кто в мою постель попасть не мог. Мои подруги даже ставки делали, сколько продержится рядом со мной очередной кавалер. Мне было трудно угодить, да. А всё потому, что я не искала длительных отношений. Замуж мне не нужно, дети взрослые, живу в свое удовольствие и как хочу.

У двери в квартиру, пока роюсь в сумочке, чтобы найти ключи, снова названивает бывший, что б его.

— Чего тебе? — отвечаю, открывая дверь и входя в квартиру.

— Ты как была стервой, так и осталась. Черствая, сухая, бездушная, самовлюбленная... — выдает экс супруг, исчерпав все свое красноречие. — Неужели так трудно было под-

сказать?

— Ты только ради этого названивал мне два часа?

— Кики, я к тебе обратился первый и последний раз в жизни, — пафосно заявляет Миша и кидает трубку.

— Истеричка, — делаю я вывод и наконец снимаю сапоги на высокой шпильке с облегченным вздохом.

Сажусь прямо в шубе из белой норки на пуфик в прихожей и, подперев подбородок руками, вспоминаю, как доказалась до такой жизни. Почему я до сих пор общаюсь с экс мужем и теперь его женой? Почему мои дети называют Лику новой мамой, а маленького брата принимают как родного? Потому что это я, познакомьтесь, Кики, а по-простому Кристина Ильинична Кирсанова. Сокращенно Кики.

Глава 4

— Мам, а что у тебя ничего нет пожрать? — голос сына доносится до меня сквозь сон, и я перекатываюсь на спину, стягивая повязку для глаз на лоб.

— Сколько раз говорила, не пожрать, а кушать, — полу-сонно заявляю я, а сын появляется на пороге моей спальни. — И вообще, врывать в комнату к одинокой женщине по утрам моветон. И в мой дом с самого утра, чтобы поесть, не совсем хорошая идея. Ты же знаешь, что я на правильном питании.

— А я нет, и, кстати, кушать — это когда кофе с бутербродом, а пожрать — это кусок мяса и картошка. И вообще ты, моя мать, просто обязана встречать сына на пороге с пирогами и пельменями самолепными, — плюхается рядом со мной на двуспальную кровать сын и поворачивается на бок, с улыбкой смотрит на меня.

— С чего бы это? — удивленно поднимаю брови. — Ты сам захотел жить отдельно и питаться тоже. И нужно предупредить о своих визитах, я бы приготовила. А насчет пирожков это к бабушке, тут она специалист.

— А кого ты здесь прячешь, одинокая женщина? Ау! Мужчина, выходи!

— Дурачок! — усмехаюсь я и шлепаю его ладошкой по лбу. —

Артем, у твоей матери никогда не будет личной жизни, если ты вот так вваливаешься ко мне на завтрак в любое время.

— Да и ладно, на фига мне твоя личная жизнь? — удивляется Артем. — Ты уж сама как-нибудь, а я пришел в гости.

— Что, в твоей квартире все запасы кончились или готовить лень? — догадываюсь я, проводя по волосам сына, смахивая легкие кудряшки со лба.

Артем у нас вымахал почти под два метра, и родила я его между вторым и третьим курсом. Проходила с пузом до самых родов, сдавая зачеты и экзамены. Хорошо, что мне активно помогали бабушки, особенно моя мама, которая считала, что я должна доучиться, хотя Михайловский и был против. Хотел, чтобы я, как его обожаемая Лика, сидела дома и нянчила наших детей.

Сын умный, учится на программиста, уже создал несколько программ, что принесли ему вполне приличные деньги. Подростком был, стриг свой кудрявый чуб почти налысо, а потом появилась первая любовь и сказала, что балдеет от кудрявых парней. С тех пор так и ходит, затылок стриженный, а по бокам длинные пряди, которым позавидовала бы любая женщина.

Если добавить сюда почти блондинистый цвет волос, как у меня, то не удивляюсь, что у сына столько поклонниц. Иногда устаю от пиликанья его телефона, куда приходят кучи сообщений от девушек. А если приплюсовать в его карму еще

и довольно приличный доход, который уже получает сын, то понятно, что девушки ходят за ним толпой. Но Артему не до них, он весь в своем компьютере примерно лет с десяти, за что неоднократно получал от меня и от отца. Но тяга к «железу», как говорит сын, оказалась сильнее наших запретов.

— Мам, ты же знаешь, что я люблю домашнюю еду, — подлизывается двухметровый детина. — Ты готовишь намного вкуснее.

— Чем твоя Лиза? — смеюсь я, вспоминая последнюю пассию сына. — Или подожди... Вы расстались, да?

— Мам, не начинай, — Артем ловко вскакивает с кровати и идет на выход. — Кормить будешь или нет? А то мне скоро убежать нужно.

— Двадцать три, а ума нет, — ворчу я, выползая из-под одеяла и натягивая шелковый белый халатик на сорочку. — Весь в отца, домашнее он любит. По наследству, что ли, передается?

Пока принимаю душ и наношу легкий макияж, рассматриваю себя в зеркало. Ну что, через месяц тебе, Кики, сорок пять, а ты в самом соку. Дашь фору любой молодой красотке. Ну это я так хорохорюсь. Когда муж собрал свои вещички и ушел, объявив, что нашел себе нормальную молодую девушку и та беременна, для меня был полный шок. Прожили почти двадцать лет совместной жизни, и такой подарок.

— Я все для тебя сделал! — кричал супруг. — Для детей! Дом построил, дерево посадил, сына вырастил. Теперь хочу

пожить для себя.

— А со мной, значит, ты для себя не жил? — взрываюсь я. — У нас дети, дом, общие знакомые...

— А любовь? Где у нас любовь, Кики? Ты никогда меня не любила, вечно твои подколки, заскоки, подруги, работа...

— Весь список огласил? — рычу я.

— Нет, я просто тебе не нужен! — подводит итог муж. — Детям скажу сам, тем более моя будущая жена беременна. Я хочу женщину, которая будет меня обожать, пельмени мне лепить и пироги печь. Которая будет мне чай с малиной в постель приносить и теплые носки натягивать, а не пихать кучу непонятных таблеток и уходить из комнаты, выключив свет.

— Да брось, я тебе что, и чай никогда не приносила? — удивляюсь в ответ. — Приносила же, а носков шерстяных у нас отродясь не было...

— Вот именно! Ты никогда не думала о уютном доме, где муж главный для всех человек, а внимание и забота нужны прежде всего ему. Я был у тебя на втором месте, после детей и твоей работы.

— На третьем... — машинально поправляю я, а Миша буквально передергивается.

Подхватывает свою сумку с вещами и выходит за дверь.

— Дом, машину оставляю тебе. Дети взрослые, алименты не нужны. Буду помогать им, а ты справляйся сама, раз такая самостоятельная.

— Да и фиг с тобой! — кричу ему вслед, захлопнув дверь и закрывая на ключ.

Нет, я поплакала, конечно, но недолго. Примерно неделю пострадала, чувствуя себя брошенной и никому не нужной. Одно радует, что дети встали на мою сторону и устроили отцу бойкот. Однако все прекратилось после рождения их брата. Аня и Артем смирились, что у отца новая семья и ничего уже не исправить. Начали ходить к отцу в гости, играть с малышом, а потом и приглашать на совместные праздники. Так я и познакомилась с новой женой своего мужа, которая оказалась полной противоположностью мне.

Миша нашел себе ту жену, которую хотел. Примерную, домашнюю, красивую и нежную. Лика сразу уволилась с работы из офиса моего мужа и засела дома, нянчила детей и лепила Михаилу пельмени, готовила борщи. Летом они уезжали на дачу, огромный загородный дом, где молодая жена варила компоты и делала заготовки на зиму. А я оказалась к этому неспособна, не вышла из меня домашняя наседка, окруженная своим маленьким огородиком и ползунками. Я работала, делала карьеру, становилась профессионалом в своем деле. И ни капли не пожалела о разводе, ну если только в самом начале. Просто жаль было потраченного времени и ушедшей молодости.

Глава 5

— И когда только ты вырос? — удивленно смотрю на сына, что уплетает омлет с грибами и сыром.

Сижу напротив, подперев щеку рукой, и умиляюсь, попав под минуту великой материнской любви.

— Только недавно на руках носила, а тут такая дылда получилась.

Артем усмехается, продолжая орудовать вилкой и ножом. Ему мои нежности совсем не интересны.

— Анька когда приедет? Тебе не кажется, что она слишком часто остается у своей подружки? — между пережёвыванием омлета спрашивает сын.

— Соскучился? — хмыкаю я, встаю, чтобы сварить нам кофе. — Я ей уже говорила, что хватит обитать у Богдановых, но ей там как медом намазано.

— Так, а почему бы не намазано было? Девчонки предоставлены сами себе, Артур Владимирович дома почти не появляется, то в командировках, то на работе. — пожимает плечами Артем.

— Да это ладно, но я ее почти не вижу, — жалуясь ему, но тут же отпускаю тему. Не привыкла я вываливать свои чувства на детей. — Лица вчера звонила, говорит, на Мальдивах хорошая погода. Они с Лешкой обгорели, как головешки.

— Кстати, отец мне вчера звонил, сказал, что от тебя по-

мощи не дожدهшься и у него снова язва вылезет, — улыба-
ется Артем. — После того как ты отправила маму Лику по-
дальше от отца, не жди от него покоя. Он же тебе мстить бу-
дет своим вниманием.

— Ой, подумаешь! Лишила его жены на три недели! —
возмущаюсь я. — А он тут ездит на бедной женщине, как
диктатор себя ведет. Хотя этого следовало ожидать. Лика
слишком мягкая для него, а Миша этим пользуется. И вооб-
ще, какая мать тебе Лика? Хватит ее так называть. Она стар-
ше тебя лет на десять, не более.

— Ты просто ревнуешь, — лыбится Артем.

— Вот еще! — отворачиваюсь от него и достаю из шкаф-
чика печенье, конфеты в вазочке.

Да, я ревную. С чего бы новой жене бывшего мужа дети
дали такой статус? Мама Лика. Какая она им мама? Мать од-
на, другой просто не может быть, но дети упорно так называ-
ют новую жену отца. Просто Лику по-другому не назовешь.
Она со всеми как курица с яйцами носится, мама и есть. Если
что, сразу к Лике. А уж та и обогреет, теплом укроет, слова-
ми утешит. Иногда бесит, если честно, но хорошо, что ред-
ко. Злиться на Лику я не могу. Увела мужа из семьи, разлуч-
ница, бывшая любовница, но та, как божий одуванчик, ей-
богу, язык не повернется ее обидеть.

Мы с ней и сошлись на теме детей. Лика была беременна,
когда мой муж к ней ушел, и выходила замуж, уже будучи на
пятом месяце. Естественно, на учет ее Михаил поставил в

нашу клинику к Изольде Михайловне. Будто в городе больше клиник нет. Но это Миша мстил мне, чтобы я встречала в коридорах его беременную жену и обещала оторвать ему яйца при каждой такой встрече.

— И что? — удивлялся экс-супруг. — Я вообще-то тоже в этой клинике уже десять лет обсуживаюсь, мне из-за этого терять хороших врачей?

— Конечно, нет, — елеино заявляла я. — Не боишься, что ребеночка тебе подменю при родах?

— Ах ты стерва! — бесился бывший, но первое, что сделал, когда Лика родила, сдал анализы на ДНК-тест.

Я, когда узнала, долго смеялась, а вот вечером ко мне в ординаторскую постучалась Лика. Завтра ее должны были выписать, а у меня ночное дежурство. До этого я игнорировала ее, встречая в коридоре клиники. Не отвечала на ее приветствия и улыбку. Еще чего, любовнице мужа улыбаться.

— Привет, — заходит в кабинет Лика и прикрывает дверь.

— Привет, — хмуро отвечаю ей и откидываюсь на спинку кресла, складываю руки на груди. Любимая поза нашего главного врача.

— Можно с тобой... С вами поговорить, Кристина Ильична, — тихо произносит Лика, а мне впору сделать жест «рука-лицо».

Какой же желтенький и маленький цыпленочек достался такому матерому волку, как мой муж. Да он же разжует ее и не подавится, а через пару лет превратит бедную овечку в

неврастеничку и женщину с дикой депрессией.

— Попробуй, — вырывается из меня, а Лика как-то сразу сникла, оглядывается беспомощно по сторонам. И что такая нашла в моем муже? Деньги, статус? Не похоже.

— Я присяду? — указывает на кушетку в ординаторской.

— Ну садись, коль пришла, — встаю, иду к столику, где у нас стоит чайник, чашки.

Завариваю свежий чай, кладу на тарелку пару конфет, нарезаю яблоко. Не то чтобы я проявляю гостеприимство, но над такой, как Лика, грех издеваться. Я слышала от бывшего мужа, что его молодая жена совсем не такая, как я, а теперь вижу, не играет. Она действительно слишком юная, наивная и очень мягкая.

— Я хотела перед вами извиниться... — начинает Лика.

— Вот только этого не надо, — поворачиваюсь к ней, ставлю рядом на столик чашку с чаем. — Все уже произошло, тебя к моему мужу никто не толкал, ты знала, что у него семья, дети. Или хочешь сказать, что Михаил все скрывал? Такого просто не может быть в женском коллективе. Тем более ты работала у него секретарем, все знала о своем начальнике. Мне твои извинения сейчас никуда не приложить и счастья они не добавят.

— Я любила... Люблю Мишу, — горячится Лика. — Он говорил, что вы слишком черствая и его не любите. Ему захотелось душевного тепла, любви...

— И потрахаться с молоденькой, — добавляю я, усажива-

ясь обратно в свое кресло, отпивая чай.

— Что? Простите? — удивляется Лика.

— Ну ребенка вы явно не после свадьбы сделали, я считать умею.

— О-о, — краснеет она. — Миша слишком был... напористым.

— Как мило, — издеваюсь я. — Ты сюда пришла рассказывать подробности адюльтера моего мужа?

— Ну что вы, я извиниться. Миша хочет, чтобы у нас в семье было все хорошо, особенно после рождения Алёшеньки. Теперь у ваших детей есть маленький братик, и будет плохо, если они не станут дружить. Все же родственники. Не хочу, чтобы мой сын рос в ненависти.

— Слушай, Лика, Анжелика и как тебя еще там, — отставляю чашку и наклоняюсь к ней. — Ты совсем не понимаешь, что я сейчас чувствую?

— Нет, — пугается она.

— Да я за космы тебя хотела оттаскать все эти пять месяцев и рожей о стол приложить. Но ты беременна была, а сейчас можно, улавливаешь разницу?

Такого испуга в глазах я не видела никогда. Лицо Лики сразу побелело, рот в ужасе приоткрылся. Думала, ее удар хватит. Что-то я где-то перегнула. А потом она сморщилась, как ребенок, выпятила нижнюю губу и зарыдала. Да так жалобно, навзрыд, с поскуливанием.

— Господи, вот этого мне еще не хватало, — возмутилась

я, вынимая из коробки одноразовые салфетки. — Ты чего реवेशь? Испугалась, что ли? Молоко пропадет.

— Нет, вас стало жалко! — всхлипывает сквозь рыдания Лика. — Я ничего не могла сделать, просто полюбила...

— Эх, девочка ты моя, — сочувственно качаю головой.
— Раз полюбила, теперь терпи, и бог тебе в помощь.

Глава 6

— Мне кажется, что мой муж мне изменяет, — жалуется новая клиентка, первый у нас сеанс, а я внутренне вздыхаю.

За мою практику это, пожалуй, самый распространенный тип обращения к психотерапевту. Подозрение в измене, сама измена, ее последствия, депрессия... Все это требует особого внимания, мягкого, но продуктивного в плане

того, чтобы клиентка, выйдя за дверь моего кабинета, не стала думать о том, какая она несчастная и брошенная.

— Почему вы так решили? — делаю пометку в блокноте, где пока написаны данные клиентки, возраст, семейное положение, наличие детей.

— Евгений Митрофанович все позже приходит домой, часто не отвечает на мои звонки, просто сбрасывает, не читает сообщения...

Дальше идет полный перечень грехов мужа, а я задумчиво разглядываю женщину, что полусидит на кушетке, прикрыв глаза.

— Как часто вы звоните своему мужу? — спрашиваю я.

Алина, так зовут клиентку, одета в стильный брючный костюм шоколадного цвета, в вырезе виднеется кружевная блузка черного цвета. Прическа каре до плеч, гладкие как шелк, блестящие и черные волосы. На вид моей клиентке

лет сорок пять, но на самом деле ей пятьдесят два. Казалось бы, в таком возрасте можно уже и закрыть глаза на шалости мужа, но нет, тут явно проявляется суперопека и навязчивость.

— Редко звоню и все по делу, — тут же начинает оправдываться Алина. — Провожая на работу и через двадцать минут звоню, чтобы узнать, как Евгений Митрофанович доехал. Затем мне нужно знать, приедет ли он на обед, если да, то

что готовить. Потом перед обедом, чтобы принял таблетки, у него давление высокое. Если муж не приезжает на обед, то спрашиваю, что он поел в ресторане. Позже спрашиваю, во сколько он вернется домой. Лишних звонков я не делаю, только уточняю... А что?

— Вы не пробовали звонить ему реже? — задаю встречный вопрос.

— Конечно, нет! — открывает глаза клиентка. — Мы женаты уже тридцать лет, я контролирую, что мой муж ест, как лечится, как себя чувствует.

— Вы называете мужа по имени и отчеству?

— Да, так было принято у меня в семье, и эту привычку я принесла в свою.

— А дети? Тоже называют вас по имени и отчеству?

— Это обязательное условие, — непримиримым тоном

произносит Алина, точнее, Алина Викторовна.

— Я задам еще несколько вопросов, а вы мне расскажете про ваших детей, договорились? А потом попробуем сделать одно домашнее задание до следующего сеанса.

— Какое? — интересуется мадам.

— Вы два дня не будете звонить вашему мужу в рабочее время.

— В смысле? Совсем? — удивленно смотрит на меня Алина Викторовна.

— Совсем. Ушел ваш муж на работу, и тишина до тех пор, пока он не переступит порог вашего дома обратно с работы. И когда придет, не задаете ему вопрос, как прошел день, а просто спрашиваете, будет ли он ужинать, если нет, сразу уходите в свою комнату и занимаетесь своими делами.

— Какими? — хмурится клиентка.

— Чем вы обычно занимаетесь вечерами?

— Сажу рядом с мужем, пока он читает или смотрит телевизор.

— А когда вашего мужа нет дома?

— Жду Евгения Митрофановича, — следует ответ.

— Сидите в гостиной на диване и просто ждете? — невольно вырывается из меня, за что тут же мысленно делаю себе выговор.

— Ну почему же? Проверяю работу горничной, даю меню повару, садовник опять же...

— И так каждый день?

— Все рабочие дни моего мужа идут по определенному графику... — начинает опять Алина Викторовна, а я внутренне чертыхаюсь.

Не удалось перевести клиентку на себя саму. Все ее мысли зациклены только на мужа, сама она ничем не интересуется, не занимается. Поддержание дома — это лишь обязанность, не более.

— Кем вы работали? Какая у вас профессия?

— Ну что вы, милочка. Я вышла замуж сразу, как закончила институт, а далее Евгений Митрофанович строил свой бизнес. На мне был дом, дети, у меня не было времени работать.

— У вас были няни для детей?

— Конечно, иначе я бы не справилась. Мой муж не хотел, чтобы, приходя домой, его встречала усталая и недовольная жена.

— Ну что же, картина мне ясна. Вы обратились ко мне в том числе и из-за проблем с бессонницей, но я вижу то, что нам нужно будет обязательно подкорректировать. Сейчас выпишу вам таблетки, будете принимать два раза в день.

— Это не вредно? — беспокоится клиентка.

— Нет, это новейшее средство на основе успокаивающих трав. Производится в Швейцарии, но дорогое. Есть аналог, российский производитель...

— Не нужно мне Швейцарию, пожалуйста.

— Вот вам рецепт и, как мы договорились, задание на два

дня. Таблетки имеют накопительный эффект, пожалуйста, не пропускайте прием, лучше в одно и то же время.

— Да, моя домработница за этим проследит, — кивает клиентка.

— Через два дня вы придете и расскажете, как повел себя ваш муж после того, как вы перестали ему звонить.

— Ой, не знаю, получится ли у меня выдержать? А как же прием лекарств, Евгений Митрофанович сам не вспомнит, — волнуется Алина Викторовна.

— Поручите это его секретарю, — предлагаю я. — Вы же знаете, с кем работает ваш муж.

— Конечно, Людмила Николаевна уже почти тридцать лет работает на моего мужа. Очень ответственная женщина.

— Вот и отлично, наш сеанс окончен, жду вас через два дня.

Провожая клиентку и какое-то время стою у окна, глядя на парковку у клиники. Вспоминаю о женщине, что живет только жизнью своего мужа, так нельзя. Неужели так можно, посвятить всю себя мужчине, не иметь своих интересов, ничего личного. Она же самой себе не интересна стала, что говорить о муже, который бежит из дома.

— Кристина Ильинична! — врывается в кабинет Гуля. — Тут... Тут...

— Что? — оборачиваюсь на ее голос. — Случилось что-то?

— Там пришел муж этой Грачевой, — испуганно шепчет

Гуля. — Он сразу пошел в кабинет к Любимову. Они так кричат, что по всему коридору слышно.

— Вот же зараза! — ругаюсь я. — Изольда Михайловна где?

— Так у нее сегодня после обеда прием, — незамедлительно отвечает медсестра.

— Ладно, пойду, возьму огонь на себя, — решительно иду к двери. — Спасу нашего любимого врача.

— Сергея Геннадьевича? — делает удивленные глаза Гуля. — Это скорее от него спастись надо Грачева.

Гуля весело хмыкает и идет к своему столу, а я поправляю халат, бейджик и решительно двигаюсь в кабинет к главному врачу. Не одному же ему держать оборону.

Глава 7

Действительно, подходя к кабинету главного врача, застала стайку медсестер, которые явно слушали, что творится внутри.

— А что на рабочих местах никого? — строго посмотрела на них, и девчонки разлетелись кто куда, понесли сплетни по всей клинике.

Стараясь не уподобиться им, толкнула без стука дверь в кабинет, а так тоже бы постояла пару минут, послушала громкий голос Любимова. Тот явно сыпал своими незабываемыми перлами, чтобы утихомирить разъярённого гостя.

— Ещё раз повторяю вам, что ваша жена пришла не конкретно ко мне, а к нашему гинекологу, это раз, а во-вторых, ею было сказано, что это вы послали ее на аборт, непробиваемый вы наш.

Любимов сидел в кресле за своим столом, сложив руки на груди, а по кабинету ходил разъярённый тигр, так бы я охарактеризовала мужа Грачёвой.

— Моя жена и не думала делать аборт! Говорю вам в сотый раз, а вы меня не слышите.

— Недавно проверялся, мои уши чисты, как яйца у...

— Я свидетель разговора вашей жены и гинеколога, — перебиваю Любимова, пусть некультурно, но Сергей Геннадьевич может так выразиться, что впору краснеть. — Могу

подтвердить, что Юлия Германовна обсуждала с Изольдой Михайловной прерывание беременности с вашего согласия, между прочим.

Мужчина поворачивается ко мне и окидывает сердитым взглядом. На вид он намного старше своей жены, ему лет сорок восемь, может, чуть больше. В молодости, да и сейчас явно вскружил головы многим женщинам. Загорелый, высокий, подтянутый. Выразительные глаза, не пойму, то ли серые, то ли голубые с серым. Упрямый подбородок с ямочкой, широкие плечи, благородная щетина. Одет просто, но дорого. Джинсы цвета хаки, белый джемпер с высоким воротником. В руках портмоне явно не дешёвое, и, конечно, главный аксессуар — часы, куда же без них.

— У вас тут что? Банда заговорщиков? — рычит Грачёв.
— Ни за что не поверю, что моя жена решила избавиться от долгожданного ребенка.

— Думаю, что этот вопрос вам нужно обсудить с вашей женой, а не с нами, — фыркаю в ответ.

— А вы, собственно, кто такая? — наконец соизволил спросить Грачёв.

— А вы? — задаю встречный вопрос.

— Я тот, кого вы решили оставить без детей, глубокоуважаемая как вас там, — раздражённо произносит олигарх.

— Да что вы говорите, а вам не кажется, что ваша жена вам нагло врёт?! — вырывается из меня.

— Так, брейк, разошлись по своим горшкам, — встаёт из-

за стола Любимов и двигает плечами, разминая. — Я считаю, что самый лучший выход из положения — это пригласить сюда вашу жену и всё выяснить, так сказать, от первого лица, — предлагает главный врач.

— Моя жена в положении, на минуточку, — возмущается Грачёв. — И я не намерен волновать ее по таким пустякам. Если я узнаю, что вы пошли против закона и каким-то образом уговорили Юлию на такие действия с нашим ребенком, от вашей клиники не останется камня на камне.

— Ох, да что же вы какой непробиваемый, грозный вы наш, — усмехается Любимов. — Вам показать статью закона, где чёрным по белому написано, что нельзя этого делать на таком сроке? Ата-та будет нам, и ваши угрозы тут ни к чему. И в конце концов не силой же мы вашу жену потащим на такую изуверскую процедуру, как вы себе это представляете?

— Вы, говорят, неплохой бизнесмен и умный человек, хотя бы на секунду подумайте, зачем нам это? Насилие над вашей женой, неродившимся ребёнком? — встречаю я.

Грачёв переводит внимательный взгляд с меня на Любимова и обратно. Затем пододвигает к себе стул и садится, закинув ногу на ногу. Достает из кармана джинсов телефон и набирает номер.

— Юра, расставь людей на первом этаже у кабинета главного врача. Никого сюда не пускать и не выпускать. Пошли машину за Юлией Германовной, пусть привезут сюда, толь-

ко аккуратно, понял? — Грачёв убирает трубку снова в карман и спокойно смотрит на нас с Сергеем Геннадьевичем. — Никто отсюда не выйдет, пока моя жена не прибудет сюда и не подтвердит свои слова. Пока я вижу двух мошенников, которые решили избавить меня от наследника. Давайте беречь моё и ваше время, сразу признайтесь, сколько и кто вам заплатил за это. У меня много конкурентов, так же, как и желающих получить всё после моей смерти. Поэтому я верю только своей жене, больше никому.

— Идиот, — произношу я тихо и направляюсь к входной двери.

Медленно открываю дверь и вижу в коридоре высокого амбала шириной и высотой со шкаф. Морда гладко выбрита, мускулы натягивают пиджак. Рядом с ним стоят охранники из клиники и не знают, что делать.

— Вы думаете, мы тут совершенно беззащитны? — хмыкает Любимов. — Единственное, что сейчас играет по вашим правилам, это мое нежелание начинать тут заварушку.

— Моя охрана лучше вашей, хорошо подготовлена.

— А вот не будем мериться пис...

— Сергей Геннадьевич, — морщусь я, снова перебивая Любимова. — А вы, как вас там по имени и отчеству, полный идиот, раз ведете себя так, будто у ваших ног лежит весь мир и подчиняется одному вам.

— Имею на это все причины, — ухмыляется Грачев. — Я тоже не хочу развивать скандал и попасть в газеты с та-

ким пустяковым инцидентом, но если окажется, что моя жена сказала мне правду, то я затаскаю вашу клинику по судам, и будем вести разговоры уже в присутствии адвокатов.

— Не думала, что олигархи совершенно бестолковые в жизни, — ворчу я, возвращаясь к своему креслу. — Сергей Геннадьевич, что делать будем, вызывать полицию?

— Ну что вы, Кристина Ильинична, мне даже интересно, как дальше дело пойдет, — потирает руки довольный Любимов. — Вы позволите предложить всем кофе или мы на сухом пайке будем сидеть?

Он обращается к Грачеву, и тот, немного подумав, дает свой царственный кивок.

— Вот и отлично, коньячку кому подлить? — идет к кофе машине Любимов. — Кристина Ильинична?

— Побольше, — морщусь я и спотыкаюсь о сердитый взгляд Грачева. — Больше среднего, Сергей Геннадьевич.

— Еще и пьют на работе, — закатывает глаза к потолку олигарх. — Не клиника, а шарашкина контора какая-то, и зачем моя жена к вам пришла, не понимаю. У нас отличный семейный врач, а не такие эскулапы, как вы.

— Значит, вам кофе без коньяка, — хмыкает Любимов, подставляя чашку и включая кофемашину. — А нам с Кристиной Ильиничной, как всегда.

Подмигивает мне и отворачивается, занимается кофе.

— Дурдом какой-то, — поглядывает на часы олигарх. — Пейте свой кофе, все равно из кабинета никто в живых пока

не выйдет.

У меня падает челюсть вниз, а руки сжимаются в кулачки. Сейчас я покажу этому местному божеству, где раки зимуют. Считает себя королем мира!

Глава 8

— Это что это вы себе тут надумали, Грачев, как вас там? — Упираю руки в бока и смотрю грозно на олигарха. — Думаете, вам сойдет с рук незаконное удержание врачей в кабинете? Мне плевать, что там врала или выдумывала вам ваша жена, но почему вы не допускаете мысль, что женщина просто не хочет детей и не вам решать, как ей быть со своим телом и желанием.

— Утю-тю, какие мы грозные, — лыбится Грачев, чем еще больше меня подбешивает. — Лично я вас вижу первый раз и, надеюсь, последний. Остальной диалог мы будем вести в суде, если сейчас не решим наш вопрос.

— Не наш, а ваш! — огрызаюсь я. — Отзовите своих шавок, я хочу выйти из кабинета. Мой рабочий день закончен, поэтому я не намерена сидеть тут и тешить ваше эго. А если вы еще хотя бы пять минут нас здесь будете держать, тогда точно вам понадобится адвокат, а не мне.

— А деньги-то у вас есть? Лично я могу хоть десяток адвокатов нанять, — с довольным лицом произносит Грачев.

— Не переживайте, для такого, как вы, найду.

— Как бы мне ни было интересно вас слушать, но вынужден вас прервать, — подает голос Любимов, и мы с Грачевым поворачиваемся к нему. Я и забыла, что в кабинете еще и главный врач находится. — Раз вы такой у нас богатый че-

ловечище, то оплатите нашей дорогой Кристине Ильиничне лишний рабочий час, и все будут довольны.

— Вот, ваш главный врач дело говорит, — лезет в карман своих брюк Грачев и достает портмоне. — Сколько там копеек стоит ваше время?

— Нет, ну вы посмотрите, каков наглец! — развожу я руками. — С чего бы вы решили, что мое время стоит копейки?

— Допустим, что для вас это ого-го сколько денег, — продолжает хамить нахал. — А для меня копейки.

Отсчитывает мне несколько пятитысячных и кладет на стол перед Любимовым.

— Ей хватит? — кивком указывает на меня.

— Мало, — огрызаюсь я.

Грачев невозмутимо пополняет стопку купюр.

— А теперь?

— Еще, — наглею я.

— Ну и алчные у вас врачи, Сергей Геннадьевич, скажу я вам, — качает головой Грачев, вынимая остатки налички из своего портмоне.

— Сам в шоке, — отвечает улыбчивый Любимов.

— Всё, больше нет, хватит? — смотрят оба на меня.

Демонстративно сгребаю внушительную пачку денег со стола и кладу себе в карман халата. Затем медленно иду к креслу и сажусь, закинув ногу на ногу.

— Жду полчаса, — заявляю Грачеву. — Потом только перевод на карту. И знаете что, давайте заключим пари.

— Я? — удивляется тот. — В жизни никогда не был игроком и тем более пари не заключал.

— А вот сейчас попробуем. Если ваша жена приходит и подтверждает, что была у нас с желанием избавиться от ребенка, вы должны будете посетить десять моих сеансов по стоимости VIP.

При этом Любимов как-то странно хрюкает, а я невозмутимо смотрю на Грачева. Причем и я, и Сергей Геннадьевич знаем, что никакого такого отдельного прайса для таких, как Грачев, у нас нет, я только что это придумала. Любимов сразу понял, что я сдеру с Грачева немислимую сумму за свои сеансы, но промолчал.

— Хорошо, а если все же окажется, что вы не врачи, а убийцы нерожденных детей? — хмыкает довольный Грачев.

— Выбирайте, я отработаю, — невозмутимо произношу я, а олигарх окидывает меня насмешливым взглядом.

— Вы уволитесь из этой богадельни, — тут же произносит Грачев, а мы с Любимовым переглядываемся. Тот, немного подумав, кивает.

— Договорились, Сергей Геннадьевич, вы будете нашим свидетелем, а теперь я все-таки хочу допить свой кофе.

Любимов протягивает мне чашку, и я сижу, смакую напиток, в котором коньяка больше, чем воды. Любимов не пожалел мне крепкого напитка для успокоения нервов.

— Можно и мне кофе? — бросает на меня сердитый взгляд Грачев.

— Кончился, к моему великому наслаждению, — скалится в улыбке Любимов.

Далее сидим в тишине. Сергей Геннадьевич что-то возится у себя в компьютере, Грачев завис в телефоне, решает какие-то проблемы, а я осторожно разглядываю этого мужчину.

Это надо быть таким привлекательным внешне, стать крутым бизнесменом и так просчитаться с женой. Ведь явно же молодая жена где-то обманула своего мужа. Или действительно не хотела этого ребенка, или передумала, пока прошло пять месяцев. В любом случае что-то тут нечисто. Но эта Юля так активно прикрывалась мужем, что я ни капли не сомневалась в их обоюдном желании. Хотя и оно было странным. Ну кто в здравом уме, не имея детей и мечтая о наследнике, решит избавиться от ребенка? Да еще и при таких деньгах.

Так увлеклась своими мыслями, что не сразу услышала стук каблучков в коридоре, и вскоре в кабинет вошла жена Грачева. На ней ярко-голубой брючный костюм, на шее кокетливо повязан нежно-желтый шелковый платок. Волосы завиты красивыми локонами, явно только что из салона. Сразу запахло дорогими очень сладкими духами.

— Ярослав, что за фокусы? — стреляет испуганным взглядом в нас жена Грачева. — Почему меня вытаскивают из дома, когда я только вернулась от стилиста и легла отдохнуть? И что вообще тут происходит? Ты закрыл эту чертову

клинику или нет?

— Сядь, дорогая, и расскажи нам все как было, — подходит к жене Грачев и берет ее за локоток, предлагая сесть на кожаный диван. — Эти люди предлагали тебе избавиться от нашего ребенка, но зачем?

— Они сказали, что я должна это сделать, — жалобно произносит Юлия и достает из кармана пиджака платочек, промокает уголки в миг увлажнившихся глаз. — Сказали, что ты слишком стар, чтобы иметь полноценное потомство. Нашего ребенка назвали потомством, представляешь? Сказали, что я могу родить какого-нибудь дурачка из-за того, что ты намного старше меня.

Жена Грачева всхлипывает, а мы с Любимовым наблюдаем весь этот цирк.

— Что вы скажете, дорогие в прямом смысле врачи на это? — рычит на нас Грачев. — Вы же понимаете, что суд просто прикроет вашу деятельность после таких слов?

— Она врет, — спокойно заявляю я, поправляя манжет на кипенно-белом халатике и золотые часики на руке. — Мы как могли отговаривали вашу жену от аборта. Это может подтвердить и Изольда Михайловна.

— Да вы сговорились?! — взвивается жена Грачева. — Мне было сказано прямым текстом, что сделаем все аккуратно и тихо, никто не узнает.

— И кто тебе это сказал, дорогая? — шипящим змеем спрашивает у жены Грачев. — Он или она? — указывает

взглядом на Любимова и меня.

— Конечно, это она! — визжит Грачева. — Именно ее идея была, что я не смогу родить здорового ребенка. Она предложила мне сделать аборт!

И Юля указывает пальцем на меня, а по моей спине ползут мурашки от страха. Взгляд у Грачева такой, что я чувствую дыхание смерти за своей спиной.

Глава 9

— Ярослав, не верь им! — продолжает верещать Грачева.

— Конечно, нет, дорогая, — сквозь зубы произносит ее муж, глядя на меня с убийственной злостью. — Как будем решать вопрос, дорогие товарищи? Оставить все это безнаказанным я не могу, сами понимаете, мне совесть

не позволяет. Вы же так еще кучу детей угробите, еще нерожденных. Не совсем понимаю вашей политики, какой вам от этого толк? Вроде такая престижная клиника, с хорошей репутацией, и занимаетесь такими вещами, нехорошо, очень

даже плохо. Что будет, если об этом узнают журналисты, и сколько таких обманутых, как моя жена?

— Подождите, господин олигарх, икру метать, — оживает Любимов, который до этого совсем не участвовал в нашем разговоре, а что-то возился в своем компьютере. — Думал уже и не пригодится, как-то давно установили, а ни разу не пробовал. Еле нашел, как нужный файл вынуть.

— Вы о чем? — хмурится Грачев.

— Да он теперь будет оправдываться, Яричек, только доказательств у него нет, — суется жена Грачева. — Пойдем, оставим их разгребать свое дерьмо самим.

— Ну уж нет, Юля, я так не оставлю, — возмущается Грачев. — Невинные дети страдают, семьи остаются без детей, и это в наше время, когда государство все делает для повышения рождаемости...

— Вот! Слушаем! — прерывает торжественную речь Грачева Любимов. — Внимательно, пожалуйста. Надеюсь, все заработает как нужно.

Я тоже наострила ушки, прислушиваюсь к треску, что вначале идет из компьютера. Затем мы все слышим четкий голос Юлии Грачевой.

— Я хочу сделать аборт, — заявляет та. — Мне не нужен этот ребенок. И тем более психотерапевт.

— И в чем проблема?

— У Юлии Германовны слишком большой срок, — говорит Изольда. — В этом случае искусственное прерывание беременности невозможно, а показаний к принудительному аборту нет.

— Какой срок?

— Двадцать три недели.

— И вы только сейчас решили, что не хотите ребенка? — спрашиваю я Юлю.

— Да, я решила, что не хочу рожать. Мой муж... Он хочет этого ребенка, а я нет. В мои планы не входило портить свою фигуру, и вообще нянчиться — это не мое.

— У вас было много времени решить этот вопрос. В любом случае на таком сроке никто не будет делать аборт.

— Вы не понимаете меня, да? Я же сказала, что не хочу! Я вижу, как меняется мое тело, какой я становлюсь уродливой!

— взвизгивает Юля.

— Тяжелый случай.

— Может, для вас и ничего страшного, а я чувствую себя недоженщиной!

— Кем?

— Женщиной, которую не хотят мужчины! — поясняет Юля.

— Извините, можно вопрос? — уточняю я.

— Какой? — хмурится Юля.

— Ваш муж в курсе, что вы хотите сделать аборт на таком позднем сроке?

— Конечно, он сам меня сюда отправил! Ему не нравится, как меняется мое красивое тело, даже ценой нерожденного ребенка! — взвизгивает нервно клиентка.

Запись прерывается, так как Любимов остановил ее, а в кабинете наступает тишина, которая давит, словно вязкая субстанция. Грачева испуганно смотрит то на меня, то на мужа и начинает осторожно вставать со стула.

— Сидеть! — гаркает Грачев, отчего даже я вжалась в свое

кресло, будто до этого не сидела в нем.

Любимов невозмутимо смотрит на олигарха.

— Я сейчас выпишу счет, который нужно будет оплатить на кассе у ресепшен. Будем считать это моральной компен-

сацией нашей клинике, а то, что вы оплатили нашему психотерапевту, будет ей небольшой премией и извинениями

за доставленное волнение, — четко и ясно произносит Сергей Геннадьевич. — Думаю, что всем нам понятно, кто это затеял, а вот зачем, разбираться уже вам.

— Это подделка, Ярик! — оживает Юлия. — Ты же сам говорил, что у тебя везде конкуренты и враги! Это явно сымитированная запись!

— Проверяйте, я предоставлю все данные: когда велась запись, где, и сделайте экспертизу по голосу. Всё для вас.

Любимов настолько приторно улыбается Грачевым, что у меня сводит от сладости во рту.

— Пошли! — командует Грачев жене, и та осторожно встает, отходя от мужа чуть дальше.

— Надеюсь, за вашу жену мне не придется волноваться? — хмурится Любимов.

— Ну что вы, я само спокойствие и непоколебимость, — огрызается Грачев.

— И не забудьте, для вас десять сеансов у нашей глубоко уважаемой Кристины Ильиничны, — добавляет Любимов.

— Мой секретарь запишет меня на прием, — стреляет в меня взглядом Грачев и выходит из кабинета главного врача, тянет свою жену за руку.

— Уф, — отдуваюсь я, облегченно выдыхая. — Какой наглец, кто бы мог подумать! Надеюсь, что больше его не увижу.

— Ну что вы, Кристина Ильинична, увидите, — смеется Любимов. — Да еще и получите за сеансы психотерапии с этим чудовищем хорошую сумму, кроме той, что уже получили.

— Вы же не думаете, что я буду работать с ним?! — удивленно смотрю на Любимова.

— Почему бы и нет? Интересный же случай, сделайте из этого орангутанга нормального человека.

— Здесь безнадежный случай, я вас уверяю как врач, — все же пытаюсь избавиться от неприятной обязанности.

— Так тем и интереснее, Кристина Ильинична, — потирает руки довольный Любимов. — Хорошо, что вы его отвлекли, пока я искал нужную запись.

— Кабинет Изольды Михайловны прослушивается? — ворчу я. — И мой тоже?

— Нет, ваш точно нет. Да и когда ставили камеры, этой цели не было, — объясняет главный врач. — Был заказ на установку камер видеонаблюдения, и в кабинет гинеколога поставили по ошибке, так как сами понимаете, съемка там запрещена. Камеру оставили, но убрали само видеоустройство, однако запись велась и разговор записывался. Я и подумать не мог, что когда-нибудь это нам пригодится. Если честно, расстроился. Доказать, что мы не деревенские валенки, было бы проблематично. Перелопатил половину компьютера, прежде чем нашел нужный файл.

— Как вы думаете, что теперь будет с женой Грачева? —

спрашиваю я.

— Милые бранятся только тешатся, — улыбается Любимов. — Что он сделает беременной жене? Ну поругает немного и забудет.

Я качаю головой, и, как дальше время показало, Любимов ошибался. Скандал в семье Грачевых набирал просто немислимые обороты.

Глава 10

— Кики, мы тут решили, как и где будем отмечать твоё двадцатипятилетие, ик... — голос подруги по громкой связи в машине немного пьяненький и возмутительно веселый.

— Ничего себе, а я думала, что мне решать, где справлять своё день рождения, — притворно возмущаюсь я, вырубивая от парковки у клиники. — Вы там пьете, что ли? И без меня?!

— Так ты работаешь, ик, — вторит другая моя подруга Галя.

— А что за повод?

— Марина вернулась с Кубы и привезла нам всем ром, тебе звонили, но ты недоступна, — тут же хором оправдываются подруги.

— И почему я об этом узнаю самой последней?!

— Потому что мы старые заразы, — поют и смеются девчонки. Ну как девчонки, диапазон от 45 до 53 лет. — Короче, поляна накрыта, приезжай. Только тебя не хватает. И мужужчинн...

— Н-да, ладно, минут через двадцать буду. Вы у Марины?

— Ага, приезжай, захвати нам тортик и пару литров персикового сока, у нас кончился.

Усмехаюсь и сворачиваю на ближайшем повороте к большому супермаркету, где набираю все вышеперечисленное и

добавляю бутылку шампанского как стратегический запас. Насколько я знаю своих девочек, ром в любом случае допьют, начнут думать про добавку, а тут шампанское в самый раз.

Подъезжаю к особняку Боровкович, где охрана открывает мне ворота, уже зная мою машину. Марина у нас жена олигарха, что-то типа Грачева. Но женаты они давно и прочно. Дети выросли, у них свое жилье, а Маринка осталась в огромном особняке почти одна. Правда, отжала себе у старшего сына внучку, так как тот уехал с женой работать в Китай. У внучки ужасная аллергия практически на все, и врачи категорически запретили везти ребенка в чужой климат. Так и осталась девочка с бабушкой и дедушкой, которые с нее пылинки сдувают. Все бы хорошо, если бы внучка была маленькой, а так дитяtko уже пятнадцатилетнего возраста, и проблем с ней хватает.

Подъезжаю к крыльцу и выхожу из машины. Оглядываю просто огромный особняк, по дизайну напоминающий средневековый замок: стрельчатые окна, камень, башенки по краям, львы по бокам крыльца. Внутри интерьер соответствует: дерево, камень, хрусталь, мрамор, люстры на цепях, камины. В принципе мне нравится, сама атмосфера не давит, в замке не темно, нет скрипучих и крутых лестниц. Комнаты большие, уютные, коридоры широкие, и не страшно.

Вначале, когда они еще строили этот замок, я отговаривала Боровковичей от темы средневековья.

— Вы еще забор из копий сделайте и виселицу поставьте в саду, — фыркала я, когда муж Марины, да и она сама, захлебываясь от восторга, рассказывали про свои идеи.

— А что, и поставим, да, Маринка? — поворачивался к супруге олигарх.

— Почему бы и нет? — соглашалась та, а я только обреченно вздыхала.

И ведь сделали, только не забор, а беседку с копиями, а за ней виселицу, которая больше напоминала турник, где подтягивался сам хозяин. Позади замка пруд с лебедями и рыбками, зеленый газон, березовая роща. Я не помню, сколько тут земли, но много. Причем Боровковичи держат еще и лошадей, к чему я тоже быстро привыкла, приезжая к ним иногда на несколько дней и почти не вылезая из седла.

Встречали меня с песнями, девочки уже были порядком на бровях, и мне оставалось только смеяться, наблюдая трезвым взглядом за ними.

— Стервушечка ты наша, — обнимает меня Зоя, протягивая бокал с непонятной мутью внутри. — Пей, Маринка новый рецепт коктейля привезла.

— И что тут? — сомнительно нюхаю жидкость, сморщив нос.

— Темный ром, персиковый сок и лед, — охотно рассказывает хозяйка замка. — Коктейль закачаешься, пей давай, мы целый ящик привезли.

— Кошмар какой, — возмущаюсь я. — Купить здесь не

судьба была? Тащить оттуда с вашими-то возможностями.

— Привычка, Кики, — хихикает Маринка. — Мы же не всегда богатыми были, чего только не было в нашей жизни.

И правда, в лихие девяностые Боровковичи выживали как могли. Трое детей, муж инженер на подышающем НИИ, Маринка вечно в декрете и на больничном. Началось всё с торговли вещами, которые Боровковичи возили на автобусах из Польши огромными баулами. Раньше было и такое. Покупали там хорошие вещи на тот момент: джинсы, куртки, джемпера, что уходили на ура в СССР. Люди не привыкли к такому обилию импортных шмоток и хватали практически всё, что было произведено из-за границы, в том числе кастрюли, бокалы, невиданные для всех электрические мясорубки.

Были и тяжелые моменты, пару раз Боровковичей обворовывали, причем тащили всё чуть ли не до нитки, рэкет наезжал так, что у Маринки до сих пор на боку шрам от ножевого ранения, который она и не собирается удалять.

— Ты что, я специально оставила, да его и не видно совсем. Зато я всегда буду помнить, как мой Олежка тогда меня спас из лап бандитов. Это память о нашей с ним любви, которая прошла огонь и воду.

Слушаю очередную историю из «челночной жизни» друзей, пью довольно вкусный напиток. Разговор идет о мужьях, детях, внуках. Рассказываю про своего экс-мужа, как он страдает без молодой жены и ребенка, обвиняя во всем меня.

— Избаловала ты его в свое время, Кики, а я тебе говорила, — перебивает меня Галя. — Хорошо, что вы вовремя развелись, а он нашел себе другую мученицу. Если честно, Лику мне жалко, терпит теперь побольше тебя.

— И мне ее жалко, — вздыхаю я. — Слушайте, что у меня на работе сегодня было!

Рассказываю им про ситуацию в клинике, как нас в кабинете с Любимовым захватил Грачев.

— Испугалась? — охают подруги.

— Не совсем, скорее злая была на него, что покусать хотелось, — смеюсь я, захватывая с тарелочки кусочек манго и закидывая в рот. — Но мужик противный, если честно. И как такие только живут!

— Великолепно живут, я вам скажу, — заявляет Марина. — Ярика знаю уже лет пятнадцать. Они с Олежкой сталкивались по бизнесу. Раньше мы дружили семьями. Ты знаешь, что у него первая жена была?

— Откуда? — удивляюсь я. — Но думаю, что не лучше нынешней, эта Юля явно акула.

— Ну да, вторая жена Грачеву не удалась. Вот первая, Алена, была чудо-женщина. Мы с ней хорошо сошлись, и я очень переживала, когда ее не стало.

— А что случилось? — спрашиваем мы все Марину.

— Разбилась на машине. Ярик только подарил ей новый БМВ, а она каким-то образом на бешеной скорости въехала в фуру. Мы понять не могли, как такое случилось. Ярик дол-

го добивался правды, кто виноват, но все признали, что это Алена. Именно она выехала на встречную полосу.

— Ужас!

— Ага, Ярослав долго ходил сам не свой, любил он ее сильно. Хорошая пара была.

— Жаль, конечно, — качаю сочувственно головой. — И детей не осталось...

— Почему не осталось? — удивляется Маринка. — У Ярослава сын есть, хороший парень. Насколько я знаю, они с отцом не общаются после смерти матери. На тот момент ему уже было двадцать лет, и он сразу ушел из дома отца, когда в дом вошла Юля. Не простил предательства по отношению к памяти матери.

— А что, он привел новую жену сразу после смерти первой?

— Да что ты, Кики. Ярик пять лет один жил.

— Ого, — вздыхаем мы удивленно.

— Ни за что бы не подумала, но, может, твой Ярик и был нормальным, теперь это ужасный человек.

Марина пожимает плечами, разливая всем очередную порцию рома, а я почему-то вспоминаю взгляд Грачева. Такой упертый, гневный и наглый. Странно, что человек так мог измениться за пять лет.

Глава 11

— Итак, дорогая в прямом смысле Кристина Ильинична, давайте сделаем вид, что вы меня отчего-то лечите, а я пока отдохну у вас тут часок, — заявляет Грачев, устраиваясь удобно в моем кресле полулежа и натягивая на себя плед. — Свет приглушите, пожалуйста.

— Ну уж нет, дорогой Ярослав Николаевич, — фыркаю я. — Вы обещали мне полноценные сеансы, будьте добры участвовать в разговоре.

— Да я не против, вы говорите, а я пока посплю, — прикрывает тот усталые глаза и делает вид, что засыпает.

— Что вы сделали со своей женой? — интересуюсь я у олигарха, который десять минут назад вошел в мой кабинет и устроился в кресле поспать.

Надо сказать, что я была удивлена, когда увидела запись на сеанс от Грачева буквально через два дня после произошедшего.

— Расчленил на кусочки, засунул в чемодан и отправил посылкой в Зимбабве, — не открывая глаз, произносит Грачев.

— Очень смешно, — морщусь я. — Ваш юмор я оценила, а теперь попрошу сказать, как себя чувствует Юлия Германовна?

— А вы, Кристина Ильинична, обязаны лезть в мою лич-

ную жизнь? По-моему, подписываясь на ваши сеансы, я не обещал, что открою вам всю свою подноготную.

— Вы согласились на сеансы, а как их проводить, позвольте решать мне, — фыркаю я.

— Так проводите, я вам не мешаю, но вопросы про мою уже бывшую жену — табу.

Грачев опять укладывается поудобнее и закрывает глаза. Удивленно смотрю на этого мужчину, что полулежит в кресле и спокойно заявляет, что расстался с беременной женой. Сегодня Ярослав Николаевич выглядит каким-то усталым, даже расстроенным. Теперь я понимаю, что за эти два дня у мужчины произошли изменения в семье, а то, что я узнала от подруг, заставляет меня относиться к нему чуть мягче. Однако, как же этот мужчина самоуверен, что вызывает во мне возмущение.

— Давайте мы поступим так, Ярослав Николаевич, — предлагаю я. — Чтобы проводить свои сеансы, я должна лучше узнать человека. Расскажите мне о себе, что считаете нужным и важным по вашему мнению. Какие черты в себе вызывают у вас раздражение, какими вы, наоборот, гордитесь.

— О себе? — удивляется Ярослав. — А что тут говорить, я идеален.

— Ваше самомнение меня очень радует, но давайте не будем обобщать. У каждого человека есть черты характера, которые он в себе считает отрицательными, а есть которыми

гордится.

— Я трудоголик, — заявляет мужчина, закидывая одну руку под голову.

Поза в меру расслабленная, но Грачев еще напряжен. Я хочу, чтобы он мне хотя бы чуть-чуть приоткрылся, а дальше я уже буду пролезать явно с трудом. Железобетонный человек, непрошибаемый. Впрочем, если знать, что случилось в его семье, ничего удивительного.

— Это отрицательная черта? — спрашиваю я, помечая в блокноте.

— Смотря как посмотреть. В работе скорее положительная, в семье отрицательная. Но опять же, мое качество трудиться почти без отдыха приносит свои плоды, которыми я могу гордиться.

— Вашей жене нравилось, что вы постоянно отсутствуете на работе? — пытаюсь пролезть все же в личное.

— У меня нет жены, — тут же заявляет Грачев, а я тоскливо вздыхаю. Вот же упертый.

— Была два дня назад, — начинаю с ним спорить, что неприемлемо в моей работе. Знаю, но не могу себя остановить.

— А вы? Давайте лучше я расскажу вам о вас, — предлагает Грачев, открывая глаза.

— Попробуйте, — усмехаюсь я.

— Вы стервозная дамочка, которая наверняка довела своего мужа до нервного срыва. Ваш муж просто мечтает жить

отдельно от вас, оттого целыми днями пропадает на работе, и у него наверняка есть любовница, с которой он находит умиротворение после того, как вы выклевали ему весь мозг или слопали его по ложечке. У вас есть дети, которые едва выносят свою мать, что лезет в их жизнь и учит жить. В вашем доме всегда в холодильнике стоит бутылка шампанского или виски, которой вы снимаете стресс, приходя с работы, или празднуете победу над еще одним идиотом, что согласился на ваши сеансы. Ваши подруги вас не переваривают, потому что вы всегда ставите себя выше их. Коллеги боятся подойти лишний раз, заискивающе вам улыбаются, обходя стороной. Вы стерва, Кристина Ильинична, амбициозная, равнодушная и мстительная.

Смотрим друг на друга, молчим. Ярослав Николаевич улыбается своей циничной улыбкой, думая, что высказал мне всё, чтобы обидеть или настроить против себя. Только вот я твердо уверена, что всё это ошибочное мнение. Ну, кроме бутылки шампанского или виски, тут он не прав. У меня в холодильнике всегда стоит хороший коньячок, и именно его я выпиваю, приходя домой, примерно три столовых ложки, не более.

Насчет мужа, возможно, и прав. Миша так и сказал мне, когда уходил, только немного в другом варианте.

— Ты у меня вот уже где сидишь, — провел ребром ладони по горлу. — Непрошибаемая, ничего тебя не трогает, кроме работы и детей. Думаешь только о себе, а мозги пыта-

ешься исправить всем, даже когда тебя не просят. Это я для тебя должен быть мужчиной, добытчиком, главным в семье. А у нас всё наоборот, ты как кошка живешь сама по себе, тебе кот не нужен.

— Давай только без этой вот лирики, — морщусь я.

— Давай, живи, а я пошел самоутверждаться, — ушел и захлопнул дверь.

Только вот я не заметила, что за последнее время Миша самоутвердился, если только за счет других.

— Я прав? — возвращает меня из моих мыслей голос Грачева. — Ну давайте будем честными, Кристина Ильинична, всё так и есть?

— Не буду вас разубеждать в ваших выводах, — фыркаю я. — Вы меня не знаете, я вас тоже. Тем более вы пришли ко мне на сеансы как к врачу, а не к женщине, которая вам очень не нравится.

— Ну что вы, вы мне не то что не нравитесь, я к вам совершенно равнодушен, — улыбается Грачев.

— Вот и отлично, тогда двигаемся дальше. Прошу вас ответить на откровенный вопрос.

— Валяйте.

— Почему вы не общаетесь со своим сыном? Говорите, что у вас нет наследника, но ни слова об уже существующем взрослом, близком вам человеке. Что такое случилось, что вы не считаете своего сына родным для себя?

Грачев какое-то время смотрит на меня взглядом, от ко-

торого у меня мурашки по рукам ползут. Затем откидывает плед и встает, поправляя рубашку. Тянется к пиджаку, что висит рядом на стуле, и медленно застегивает пуговицы, поправляет часы на руке. Всё это время я наблюдаю за ним, не произношу ни слова.

— Наши сеансы закончены, Кристина Ильинична, всего хорошего, — тихо произносит Грачев и просто уходит, прикрыв аккуратно за собой дверь.

Глава 12

— Кики, немедленно приезжай! — приказной тон бывшего мужа заставляет меня поморщиться, и я вставляю в ухо гарнитуру.

Этот разговор, что начался сразу с претензий, явно надолго, а я за рулем.

— Ты ничего не забыл, милый? — останавливаю его речь, полную возмущения. — Мне кажется, ты телефоны перепутал. Позвони своей жене и требуй от нее невозможного.

— Я бы позвонил, если бы моя жена брала трубку! Это по твоему указу она сидит там с моим сыном на Мальдивах и даже не отвечает на мои звонки.

— Ну уж нет, не переваливай с больной головы на здоровую. Ты довел Лику чуть ли не до нервного срыва своими рабовладельческими требованиями, а она, светлая и святая женщина, не могла тебе отказать. Дай своей жене прийти в себя и немного отдохнуть от твоих диктаторских замашек.

— Да я с нее пылинки сдувал! — начинает орать бывший. — Ты влезла в нашу семью, настроила мою жену против меня...

— Стоп, дорогой! — прерываю его обвинения. — А кто привел Лику ко мне на прием, напомнить? Сама бы она ни за что не обратилась ко мне, так как боится, что люди подумают о тебе плохо!

— Я ее привел, так как она жаловалась на бессонницу, а в итоге что? У меня ни жены, ни сына, ни нормального дома!

— Сам виноват, — огрызаюсь я.

— Приезжай и приготовь мне нормальную еду! Хотя кому я говорю, ты в жизни кроме омлета ничего съедобного не делала.

— Тем более зачем тогда звонить тому, кто готовить в принципе не умеет? — удивляюсь я.

— Супчик куриный мне свари, и мы в расчете.

— Ага, сейчас, бегу и волосы назад!

— Кики, не зли меня! — рычит Миша.

— А то что? Еще раз со мной разведешься, отнимешь детей и откажешься платить алименты? — усмехаюсь я, а разъяренный бывший кидает трубку. — И тебе того же, истеричка в брюках, — завершаю разговор уже сама с собой.

Приезжаю на работу и, здороваясь с коллегами, иду в свой кабинет. Открываю дверь и тут же вдыхаю насыщенный цветочный запах, от которого буквально сносит с ног.

— Это еще что за хрень?! — вырывается из меня, когда вижу в своем кабинете расставленные у стен вазы, горшки, ведра с цветами. — Гуля!

— Да, Кристина Ильинична, — выскакивает из-за ширмы медсестра, что готовила зону клиента.

— Это что?

— Доставили вам перед началом рабочего дня, — удивляется медсестра. — Красота, правда?

Ее улыбающееся лицо буквально светится от восторга.

— Откуда? — прохожу мимо цветов, разглядывая шикарные букеты. Тут и розы разного цвета и вида, лилии, хризантемы, корзинки собранными миксами.

— Не знаю, — пожимает Гуля плечами. — Курьер доставил, я расписалась.

Подхожу к большой корзине с алыми розами и вижу карточку среди цветов. Открываю, читаю. Лишь одно слово «Извини», а я уже понимаю, от кого. Губы начинают разъезжаться в довольной улыбке, но тут же возвращаю их на место. Переворачиваю открытку и вижу лишь одну букву «Г».

— Гуля, а у нас Грачев запись сделал? — спрашиваю медсестру.

— Да, сегодня в пять часов, — кивает медсестра.

— Отлично, — продолжаю украдкой улыбаться, как идиотка, пряча карточку в карман пальто.

Раздеваюсь, снимая сапоги, и остаюсь в шерстяном платье темно-зеленого цвета, что так красиво обтягивает мою фигуру. Кидаю взгляд на себя в зеркало на стене, отмечаю легкий румянец на щеках. Этого еще не хватало, но Грачев меня порадовал. Пять дней тишины и молчания. Я уже думала, что все наши сеансы так и останутся в моей памяти.

За это время я навела справки у всезнающей Марины. Оказалось, что весь интернет уже обсуждает предстоящий развод олигарха Грачева с беременной женой. Сами виновники слухов причины не указывают, но журналисты склоня-

ются к тому, что Грачев поймал жену на измене и будущий наследник как бы совсем и не его.

Большого бреда я не слышала, да и ни за что не поверю, что такой, как Грачев, даст повод своей жене пойти на измену, да еще и выдать беременность от чужого за ребенка в браке. Это просто не укладывалось в голове. Но противная мысль червячком засела в моих извилинах и не хотела уходить. Я вспоминала эту Юлию Грачеву и чем больше о ней думала, тем больше сомневалась в ее честности. Неужели и правда молодая женщина пошла на такой шаг и ради чего?

— Так что, отменять прием или все хорошо? — спрашивает меня Гуля.

— Почему отменять? Конечно, нет. Грачева я приму, только давай избавимся от этих цветов. Они очень красивые, но через час у нас начнет болеть голова, а клиенты не смогут расслабиться в этом цветочном магазине, который здесь получился. Отнесем часть на ресепшен, в приемную к Любимову и в гинекологию. Пусть девочки улыбаются красоте.

Так и поступили, расставили цветы по этажам и сунули корзину с розами в приемную к Любимову. Дальше день потек своим чередом, но я все чаще смотрела на часы, следя за часовой стрелкой. Мне было интересно встретиться с Грачевым, увидеть его, услышать его извинения вживую. За эти пять дней я очень много думала и поняла, что повела себя неправильно. Несколько раз хотела ему позвонить, чтобы извиниться, но не решалась.

Сегодня Ярослав Николаевич выглядел уже лучше, чем в тот раз. Никакой усталости, собранный, чуть сердитый, но в солидном деловом костюме темно-серого цвета в белую полосу и черной рубашке. Зашел, сразу сел в кресло, но не развалился, как тогда. Оглядел внимательным взглядом комнату на предмет наличия цветов и вздохнул.

— Я хотел бы извиниться и объяснить...

— Ярослав Николаевич, извините меня...

Посмотрели друг на друга и улыбнулись, лед между нами трещал и сыпался на мелкие кусочки, таял, растекаясь прозрачной лужицей.

— Мне просто нелегко говорить на эту тему, Кристина Ильинична. Я уже давно смирился с тем, что у меня нет сына, и стараюсь о нем забыть.

— Но почему? Какая может быть причина, чтобы так думать о своем ребенке?

— Может, и причина вполне серьезная, — не глядя на меня отвечает Грачев и молчит, а я не прерываю. Пусть соберется и скажет. Иногда это нелегко.

Наконец он поворачивается ко мне и смотрит взглядом, от которого меня передергивает. Внимательно, оценивающе. Словно раздумывает, может он мне доверять или нет. Глаза в глаза говорят друг другу очень многое, и я не прерываю наш контакт, сижу не двигаясь.

— Мой сын убил мою жену, свою мать, а я это скрыл, — произносит Грачев, заставляя меня открыть рот от шока. Та-

кого я точно не ожидала услышать.

Глава 13

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.